

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Н. Н. Цветаева

Социально-культурные изменения сквозь призму биографических нарративов

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Zvetaeva_soz.pdf

Перепечатка с сайта Социологического
института РАН <http://www.si.ras.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ БИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ

Биографический фонд Социологического Института РАН был основан в 1989 году в секторе социально-культурных изменений по инициативе Валерия Борисовича Голофаства, размышлениям и исследованиям которого были посвящены эти Чтения. Сегодня Фонд насчитывает около 600 единиц хранения, в числе которых автобиографии, биографические интервью, генеалогии, дневники, семейные хроники, а также материалы нескольких биографических конкурсов¹. Качественные методы, в число которых входит анализ этих «документов жизни», в то время только начинали практиковаться в нашей социологии. И Валерий Борисович с присущей ему философской интуицией одним из первых уловил необходимость перемен в методах социологического исследования и потребность в новом эмпирическом материале, который дают тексты биографического характера не только для анализа прошлого, но и для изучения происходящих в стране кардинальных изменений².

Тексты биографического характера, многие из которых имеют характер повествований, нарративов³, служат источником и материалом многообразных проблематик в рамках широкого круга исследовательских интересов. Когда я начала работу с поступавшими в наш Фонд биографическими материалами, я формулировала проблему их анализа как проблему взаимосвязи идеологии и ментальности⁴. Эта формулировка родилась под влиянием работ социальных историков, ориентировавшихся на традицию школы «Анналов»⁵. Речь шла о том, что для изучения культуры обществ прошлых эпох, недостаточно того материала, который обнаруживается на уровне нормативных документов эпохи. В этой связи необходимо изучать историю «снизу», историю повседневной жизни людей, историю ментальностей, которые представля-

---

¹ Олег Божков, Константин Дивисенко. Электронная база данных Биографического фонда: краткий анализ материалов // «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007 — 3 (63).

² Об истории и особенностях применения новых методов в социологии см.: Голофаств В.В. «Ветер перемен в социологии» // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб. 2000. Том III. № 4.

³ Термин «нарратив» в переводе с английского — «повествование», «рассказ». Этот термин используется для обозначения любых текстовых данных биографического плана (дневников, писем, разговоров и т.д.), чтобы подчеркнуть качественный характер изучаемого материала. Подробнее о проблемах использования этого термина см.: Ярская-Смирнова Е. Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3; Пузанова Ж.В., Троцук И.В. Нарративный анализ: понятие или метафора // Социология: 4М. 2003. № 17.

⁴ Цветаева Н.Н. Идеология и ментальность (опыт социологического прочтения биографических текстов и интервью) // На перелуках истории и культуры. СПб. 1995.

⁵ См., например: Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып.1.М., 1989.

ют собой автоматизмы и привычки сознания, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности. Было очевидно, что биографические нарративы, в которых непосредственно обнаруживаются привычки сознания и представления людей, дают возможность открыть историю «снизу», историю повседневной жизни людей, историю ментальностей. Но самым продуктивным для анализа нарративов была сама постановка проблемы изучения ментальностей — различать обыденные представления людей, с одной стороны, и нормативные дискурсы, с другой, с тем чтобы прояснить, как эти дискурсы — история «верха» и «низа» — соотносятся между собой, их пересечения и взаимовлияния.

Так сформулированная проблема анализа биографических нарративов во многом была обусловлена и временем, когда создавался наш Фонд. Напомню, это был 1989 год — время перестройки и острой критики советской идеологии, которая на протяжении десятилетий закрывала все проявления повседневной жизни людей единой сеткой застывших идеологием и стереотипов. И для понимания начавшихся тогда перемен особый исследовательский интерес представляла задача открыть «нижние» пласты сознания общества, исследовать, какие привычки сознания и представления людей скрывались под этой сеткой, их пересечения и взаимовлияния с идеологизированным дискурсом советской эпохи. Со временем и по мере того, как в Фонд поступали новые биографические материалы, появилась возможность расширить эту задачу. Я стала анализировать, как вообще происходит изменение социальных представлений в переломные эпохи жизни общества и насколько эти представления могут быть независимыми от господствующих или утверждаемых в обществе идеологических дискурсов. Иными словами я попыталась реконструировать динамику и особенности социальных представлений и, тем самым, прояснить их основания, сделать видимыми процесс «определяющей работы» общества и поэтапную симптоматику социально-культурных изменений, происходящих в нем.

На сегодняшний день я могу рассказать о трех опытах интерпретации биографических нарративов нашего Фонда в этом направлении. Первый опыт — интерпретация нарративов людей крестьянского происхождения, описывающих, как после Октябрьской революции 1917 г. они «пережили» коллективизацию их крестьянского хозяйства и адаптировались к новой, советской, жизни и, соответственно, что сохранила их память об этом времени. Второй опыт — интерпретация нарративов участников биографического конкурса «Гляжу в себя как в зеркало эпохи» (1994 г.), описывающих, как в их жизни отразились две значимые вехи истории страны — эпоха «оттепели» и эпоха реформ, начатых перестройкой. Третий — интерпретация нарративов участников конкурса «Жить в эпоху перемен» (2000 г.), подводивших на рубеже веков итоги переменам, произошедшим в их жизни за последние 10–15 лет.

Первый опыт. Противоречия советского биографического дискурса

Непосредственным импульсом исследовать проблему, как происходит изменение социальных представлений в переломные эпохи жизни общества и насколько они могут

быть независимыми от господствующих или утверждаемых в обществе идеологических норм, родилась, когда, читая нарративы, поступавшие в наш Фонд в конце 1980-х — начале 1990-х годов, я обнаружила странные, на мой взгляд, противоречия.

Это были противоречия между описываемыми в нарративе реалиями жизни человека и его оценочной риторикой. Особенно ярко они были видны в нарративах людей крестьянского происхождения 1910-х годов рождения, которые помнили процесс коллективизации их крестьянского хозяйства. Описывая, например, в своих нарративах жестокость этого процесса, они не только не обвиняли порядок, разоривший и искалечивший жизнь их семьи, а напротив, как бы оправдывали произошедшее, используя для этого оценочную риторику советской идеологии¹. (Подчеркну, такие противоречия читались в нарративах не только малообразованных людей, а и людей, имеющих высшее образование).

Сама по себе зависимость лексики нарративов от идеологических клише как основного риторического языка советской эпохи, господствовавшего на протяжении многих десятилетий и понимаемого «всеми», была вполне объяснимым явлением. Трудно было ожидать, что этот язык быстро изменится, хотя, напомним, что это были биографические нарративы, написанные в годы перестройки, когда в общественном дискурсе присутствовала острая критика советской идеологии. Станным мне показалось то, что, несмотря на эту критику и, прежде всего, несмотря на то, что реалии жизни человека противоречили этой идеологии, он не мог освободиться от ее плена и продолжал осмысливать свою жизнь в ее формулах. Именно это натолкнуло меня на исследование проблемы, как происходит изменений социальных представлений и привычек мировосприятия, насколько они могут изменяться в переломные эпохи жизни общества и быть независимыми от основного русла господствующей или утверждаемой идеологии.

Для того чтобы понять обнаруженные в нарративах противоречия — несоответствия между реалиями жизни человека и его приверженностью советской идеологической риторике — я попыталась реконструировать историю возникновения этих противоречий и начала с «истоков» их появления в нарративах. Для этого я отобрала нарративы очевидцев и участников послереволюционных коллизий становления советской власти. В основном это были нарративы городских жителей крестьянского происхождения 1910-х гг. рождения, переживших коллективизацию их крестьянского хозяйства и превратившихся в горожан. Этот социальный слой (полукрестьяне-полугорожане) в мировосприятии которого столкнулась традиционная крестьянская культура и советская идеологическая схема, долгие годы был доминантой социальной-культурной динамики советского общества не только в силу масштабности и мас-

---

¹ Фактически эти противоречия определили методiku анализа нарративов, которой я пользуюсь. Первый шаг — анализ смысловых структур, «фигур логики», которые образуются между описываемыми в нарративе событиями и используемым автором нарратива оценочным дискурсом. Следующий шаг — анализ и упорядочение диапазона и вариативности этих смысловых структур — следов оценивающих и классифицирующих дискурсов, наличествующих в обществе.

совости миграции крестьян в города. Важно и то, что на этот слой ориентировалась пропагандистская модель советской идеологии, что ментальность этих слоев и эта модель развивались как бы параллельно, подстраиваясь друг под друга.

Отбрав нарративы этого слоя людей, я анализировала, как они описывают в своих рассказах адаптацию к новому для них тогда жизненному укладу, в каких случаях и в каком виде употребляют советскую идеологическую риторику, а также почему эта риторика сохраняется в их рассказах и тогда, когда общество подвергает ее серьезной критике. (Напомню, это были рассказы, написанные в годы перестройки — во время бурной критики советской власти). В процессе работы я не ограничивалась рассказами только тех, кто присылал истории своей жизни в наш Фонд, т.е. людей, живущих в это время и переживающих перестройку общества. Ведь любой дискурс, являясь коммуникативным актом и социальным диалогом¹, обусловлен временем и изменяется во времени. Эти изменения я пыталась уловить, сравнивая рассказы, написанные в начале 1990-х годов, с теми, которые сохранились в форме дневников и других личных документов, а также с теми, которые были опубликованы в свое время в этнографических работах по крестьянству.

Все эти материалы дали мне возможность проанализировать генезис появления этих противоречий и характерные особенности биографического дискурса этого социального слоя, в мировосприятии которого столкнулись крестьянская культура и пропагандистские формулы советской идеологии. Проведенный анализ свидетельствовал, что слом привычной самодостаточности жизни крестьян при их столкновении с преобразованиями советской власти не повлек за собой существенных перемен крестьянского мировосприятия. В нарративах отчетливо читались свойства этого мировосприятия — отсутствие навыков отвлеченного мышления и его ситуационная связанность², что, в свою очередь, объясняло, почему со временем советская идеологическая риторика, с ее оторванными от реальной жизни формулами, обрела в мировосприятии этого социального слоя фетишистские формы, родив противоречия между логикой жизни и логикой этой риторики³.

Следуя интерпретативной парадигме качественной социологии, можно сочетать разные подходы и разные схемы интерпретации результатов анализа нарративов, используя эти схемы не как альтернативные, а как палитру средств для описания и анализа проблемы. И к противоречиям в нарративах этого, условно говоря, «крестьянского» слоя я применила нескольких интерпретативных схем. Так, с позиций схемы, которую использовал в своем проекте финский исследователь Пекка Руус⁴ можно

¹ См.: Дейк ван Т.А. Анализ новостей как дискурса // Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

² Этот тип мышления психологи называют практическим, ситуационным, отличая его от теоретического, категориального. См.: Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.

³ Цветаева Н.Н. Биографический дискурс советской эпохи // Социологический журнал. 1999. № 1/2.

⁴ Руус П. От фермы к офису: уверенность в себе и новый средний класс // Вопросы социологии. М.: Socio-Logos. 1993. № 1/2.

сказать, что эти рассказы отчетливо иллюстрировали, как в базовом крестьянском габитусе адаптации и «выбора необходимости» появляются несвойственные ему элементы. «Глубокий реализм» адаптивного габитуса размывается, и в рассказах появляются противоречия, свидетельствующие о неспособности человека совместить практическую логику своей жизни и логику советской идеологии или, в терминах Рууса, логику истории жизни и логику поля (общества, культуры).

Другая схема — постмодернистская теория дискурса — позволяет объяснить эти противоречия как норму советского дискурса, как результат «политики нормализации» индивида¹. Адаптированный к советскому режиму человек не замечал (должен был не замечать) противоречий между реалиями своей жизни и пропагандируемыми идеологией ценностями, демонстрируя тем самым свою приверженность власти и свою «нормальность» как члена общества. В этом же ключе оказывается объяснение этих противоречий с точки зрения защитных механизмов психики человека, подвергавшегося на протяжении десятилетий тотальному давлению господствующей идеологической схемы. Так образом известный немецкий психиатр Бруно Беттельхейм объясняет деформации сознания в послевоенной Германии, говоря о том, что репрессивный режим способен разрушить личность взрослого человека до такой степени, когда он сможет не знать того, что ему страшно не хочется знать². Наконец, объяснением может быть и позиция П. Бурдые, который считает, что последовательные моменты практики защищены от логики хронологического развития³. Или — М. Полани, который говорит, что человек рационален только в той мере, в какой истинны концепции, к которым он привязан⁴. Однако вне зависимости от схемы, с позиций которой можно интерпретировать эти противоречия, власть советской идеологической риторики над мировосприятием человека читалась в нарративах этого социального слоя отчетливо.

Второй опыт. «Гляжу в себя как в зеркало эпохи»

Сохраняются ли рассмотренные противоречия в биографических нарративах следующих советских поколений, и появляются ли в них какие-то приметы освобождения мировосприятия человека от формул идеологической риторики. Ответ на эти вопросы я предполагала найти в нарративах тех, кто откликнулся на приглашение биографического конкурса «Гляжу в себя как зеркало эпохи» (проведенного нашим Фондом в 1994 г.) рассказать, как в их жизни отразилась такая значимая века в истории советской общества, как эпоха «оттепели» — 1960-ые годы. Девиз конкурса

---

¹ Ушакин С.А. После модернизма: язык власти или власть языка // Общественные науки и современность. 1996. № 5.

² Беттельхейм Бруно. Просвещенное сердце // Человек, 1992, № 6.

³ Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos. 1994.

⁴ Полани М. Личностное знание (На пути к посткритической философии). М. Прогресс. 1983.

возник на фоне начатых перестройкой либеральных реформ, которые активизировали в обществе интерес к эпохе «оттепели» как времени некоторой либерализации жизни страны после смерти Сталина, уже тогда позволившей человеку критично взглянуть на советскую идеологию и освободиться от некоторых ее мифов и идеологем. И, прежде всего, свидетельств такого освобождения можно было ожидать от участников конкурса, которые, прислав свои биографические нарративы, тем самым признавали значимость этого периода времени жизни страны. Напомню также, что конкурс проводился в 1994 году — во время начатых перестройкой либеральных реформ. И это тоже должно было дать участникам конкурса импульс для рефлексии по поводу периода «оттепели».

На конкурс поступило около 100 биографических нарративов. Чаще всего это были нарративы людей 1930-х годов рождения, т.е. тех, для кого время «оттепели» было временем их активного становления. Среди участников конкурса оказались люди разных профессий и разного уровня образования (от медсестры и шофера до инженера, врача, начальника стройки), что позволяло надеяться, что мы увидим весь диапазон памяти об этом времени. И все участники конкурса, независимо от их социального статуса и характера их воспоминаний об «оттепели», по теме и замыслу конкурса были названы «шестидесятниками».

Самым интересным и несколько неожиданным результатом анализа нарративов участников этого конкурса оказалось то, что их нарративы образовали два совершенно разных дискурса в описании эпохи «оттепели». Один дискурс — литературный язык, язык образованных людей (так были названы участники конкурса с высшим образованием), которые говорили об «оттепели», как правило, используя многие известные из публицистики характеристики этого времени, и определяли это время как эпоху надежд на освобождение страны и личности. Другой дискурс — язык (условно говоря) малообразованных людей (так были названы участники конкурса без высшего образования), которые фактически не выделяли «оттепель» как особую эпоху и не объясняли с этой точки зрения свое участие в конкурсе.

Это различие дискурсов двух групп участников конкурса (образованных и малообразованных) в описании ими «оттепели» предполагало, что признаки освобождения мировосприятия от советской идеологической риторики, прежде всего, надо искать в нарративах образованных участников конкурса. Однако анализ нарративов этой группы участников конкурса показал, что их рефлексия, направленная на анализ советской эпохи и «оттепели», имела довольно поверхностный характер. Несмотря на то, что они в описании этого времени, как уже говорилось, воспроизводили многие известные по публицистике того времени метафоры, представляющие «оттепель» как эпоху надежд на освобождение страны и личности, когда *«все вздохнули свободно»* и *«кожей чувствовали духовный рост общества»*, дальше этих метафор они не шли. Редко кто из них говорил о конкретных политических событиях начала «оттепели» (таких, как разоблачение культа личности Сталина, доклад Хрущева и т.п.), т.е. в какой-то мере анализировал сталинский режим. Репрессии и жестокость режима также почти не упоминались, а если и упоминались, то осторожными фразами: *«среди окружающих никто не пострадал при Сталине»*, *«ужасный*

1937 год не коснулся нашего семейства». Интересно было оценить эту риторику на фоне социологических данных о том, что почти треть семей была напрямую затронута сталинскими репрессиями¹.

Значительные политические события постсталинского периода (такие, как Венгрия 1956 года, Чехословакия 1968 года, преследование диссидентов и т. п.) тоже почти не анализировались. Конечно, в условиях тотального государственного контроля над информацией в советском обществе об этих событиях люди узнавали в основном только из официальных источников, как правило, на партийных производственных собраниях и митингах, и вместе со всеми принимали те оценки, которые предлагала официальная идеология. Сожаление же о своей наивности («Я стоял как болван среди всех и верил, верил, верил...») или какая-то критика своей слепоты в отношении этой идеологии высказывалась участниками конкурса довольно редко. Надо отметить также, что своеобразным рефреном в нарративах этого типа была фраза: «мы работали честно», которой человек как бы снимал с себя ответственность за все прегрешения советской эпохи и освобождал себя от анализа каких-либо сложных общественных проблем советского времени.

Одним из объяснений уклонения от такого анализа считается своего рода изначальная ангажированность интеллигенции в советскую идеологию, ее близость к власти. Как известно, получение диплома о высшем образовании открывало дорогу к привилегированному положению в советском обществе и обретению этой близости, тем более, когда оно подкреплялось успешной служебной карьерой и сопутствующим ей вступлением в партию. (Другой вопрос, что поступление в вузы тоже было идеологически «квотировано»). Эту ангажированность можно было прочесть в нарративах, когда человек, даже критикуя советское прошлое, сохранял «принципиальную верность идее» или считал, что «гнуности зависели не от системы, а от негодяев, действовавших от ее имени» и что «война оправдывает все негативное, что было сделано до 1953 года». Из нарративов выяснялись и другие характеристики этой ангажированности. Например, в некоторых семьях «все знали об ужасах сталинизма еще до XX съезда» и это не мешало относиться к Сталину как «к вождю, без которого страна может пропасть». Общим пафосом лояльности к сталинскому режиму и советской системе в целом в нарративах этого типа были суждения: «жизнь прожита не напрасно», «нужно взять из разрушенного мировоззрения лучшее», «исправить недостатки социализма».

В свою очередь малообразованные участники конкурса (напомню, так условно были названы участники конкурса без высшего образования) в своих нарративах в принципе, как уже говорилось, не использовали каких-либо известных по публицистике метафор и описаний «оттепели». И это, несмотря на то, что они участвовали в биографическом конкурсе, посвященном воспоминаниям об этом времени. В тех же случаях, когда в их нарративах все же появлялись характеристики этого периода времени, они были конкретными и материальными, и это время представляло как

¹ Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан. 1993. С. 258.

цепь коллизий повседневной жизни, обусловленных реформами Хрущева: «*перебои с хлебом*», «*вместо привычных культур на полях кукуруза*», «*хозяйки растаивали со своими буренками*». Иными словами, время 1960-х годов вообще не фиксировалась ими как «оттепель», как смягчение режима и возможность некоторого освобождения страны и личности.

Этот отказ малообразованных участников конкурса «шестидесятников» обсуждать идеологические проблемы «оттепели» и их практическую установку можно интерпретировать как результат их низкого положения в обществе, в котором они вынуждены приспосабливаться к своим обстоятельствам, и считают себя исключенными из идеологической борьбы. Однако в качестве оборотных сторон такого молчаливого приспособления к навязанным обстоятельствам исследователи называют «скрытую ненависть и скрытое оскорбление хозяев»¹. И эти «оборотные стороны» можно было прочесть в биографических нарративах этой группы участников конкурса. Они проявлялись как презрительное (иногда даже циничное) отношение ко всему, что связано с идеологией и, прежде всего, как презрительное отношение к власти. Например, к тому же Хрущеву, которого они часто называют уничижительно *Хрущем* и осуждают его действия: «*Хрущ что-то там опять натворил...*». Возможно, что это презрительное отношение наших малообразованных «шестидесятников» и можно назвать их дистанцированием от навязанного им идеологией давления.

Итак, критичность к советской идеологии почти не читалась в нарративах наших «шестидесятников» — как образованных, так и малообразованных. При этом в нарративах как одной, так и другой группы участников можно было встретить такие же (как у «крестьянского» слоя) противоречия между реалиями жизни человека и высказываемыми им оценочными суждениями, которые говорили о зависимости их мировосприятия от советской идеологической риторики. В нарративах малообразованных людей противоречия читались, когда они, с одной стороны, описывали свою трудную и полную лишений жизнь («*жизнь-колотушку*», как говорил один из них): бедность, отсутствие нормального жилья, несправедливость начальства и т. п., а с другой, оценивали советскую эпоху как время, в котором: «*человек чувствовал себя членом одной большой семьи*», «*все было доступно... не боялись за завтрашний день*», «*твердо знали, что государство не оставит*». В свою очередь в нарративах образованных участников конкурса такие противоречия можно было прочесть, когда «*верность идее социализма*» присутствовала не только у тех участников конкурса, которые «прожили прекрасную жизнь», а и у тех, которые, например, столкнулись со страшными реалиями сталинской эпохи («*где-то кости дяди — 10 лет без права переписки*»), в течение жизни часто преследовались или увольнялись «*по идеологическим соображениям*», не могли поступить в институт и получить после института нормальное распределение и т. п.

Подводя итог, можно сказать, что биографические нарративы участников этого конкурса говорили об устойчивости формул советской идеологии даже у людей, отве-

¹ Руус П. От фермы к офису: уверенность в себе и новый средний класс // Вопросы социологии. М.: Socio-Logos. 1993. № 1/2. С. 141.

чавших на заданное темой конкурса предложение вспомнить (а значит, и осмыслить) «оттепель» в связи с происходящими в стране переменами. По всей видимости, для каких-то существенных изменений в представлениях и ценностных ориентирах людей, требовался более существенный временной лаг (напомню, конкурс проводился в 1994 году).

Третий опыт. «Жить в эпоху перемен»

Следующий биографический конкурс «Жить в эпоху перемен» мы проводили осенью 2000 года, когда в обществе подводились итоги уходящего века и произошедших за последние 10-15 лет изменений. Участникам конкурса было предложено при написании биографии тоже подвести некоторые итоги тому, как они адаптировались к этим изменениям и как оценивают их воздействие на свою жизнь. Этот тематический акцент конкурса подчеркивало и его название.

Биографические нарративы участников предыдущего конкурса — 1994 года, о котором я говорила выше, тематизировала «оттепель». И то, что в литературе и публицистике были сформированы определенные схемы оценки этого периода жизни общества (по крайней мере, так это было для образованных людей) позволяло структурировать высказанные авторами нарративов суждения. Тему же этого конкурса — «Жить в эпоху перемен» — сопровождала неясность, которая, по всей видимости, сохраняется и до сих пор, к какой нормативной модели общественного устройства привели эти перемены. Точнее, оставалось неясным, какие ценностные ориентиры на уровне повседневной жизни людей должны наполнять ту нормативную модель, которая была обозначена как «рынок» и «демократия»¹.

Проблема фрагментарности и неоднозначности нормативной модели, которая бы объясняла логику жизни человека и, значит, логику формирующихся в обществе ценностных ориентиров, в социологических опросах того времени решалась выяснением соотношения либеральных и советских ценностей, которые люди выбирали из перечня предложенных исследователями ценностных концептов. Однако результаты этих опросов было почти невозможно сравнивать из-за различий не только в смысловых характеристиках этих концептов, но и в структуре экспертного знания, вносящей свои коррективы в обзор получаемой разными исследователями картины. Еще одним ориентиром, который, казалось, мог дать исследователям представление о появлении новых ценностей, было изучение мотивации достижения, которая рассматривалась как одна из основных ценностей эффективного рыночного общества². И типологии адаптивного поведения в основном были ориентированы на составляющие этой ценности — активность, рациональность и стратегический расчет человека

---

¹ Проблему неприменимости сегодня концептов теории модернизации очень интересно анализирует Капустин Б.Г. в своей статье «Конец «транзитологии»?» // Полис, 2001, № 4.

² См., например: Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4.

в его адаптации к переменам. Но результаты этих типологий говорили о том, что и через десять лет перемен, которые должны были активизировать мотивацию достижения «советского простого человека», преобладали пассивные формы адаптации. Выросло число считающих себя «неприспособляемыми», значительно чаще встречался вариант «понижающей адаптации» и стабильно малым был вариант «повышающей адаптации». Отмечалась также сложившаяся ностальгическая переоценка советского прошлого¹.

На фоне этих неутешительных результатов опросов населения, нарративы участников конкурса «Жить в эпоху перемен»², в которых сами люди описывали произошедшие в их жизни изменения и свои практики приспособления к ним, давали возможность прояснить некоторые неясности с формированием новых ценностных ориентиров (и, в частности, с мотивацией достижения). Прежде всего, нарративы давали возможность понять, какой вклад практики повседневной жизни (в том числе и называемые по результатам опросов населения «пассивными») вносят в эти изменения. Описывая содержательные характеристики разнообразных способов адаптации людей к произошедшим изменениям, нарративы иллюстрировали важное положение современной социальной теории. — Происходящие изменения всегда обусловлены не только новыми «правилами игры», установленными властью. Они во многом обусловлены также и тем, как эти правила в результате разного рода практик повседневной жизни, тактической активности групп и индивидов, адаптируются, становятся привычными для людей или же обходятся ими, не принимаются³.

Нарративы проясняли и еще одно положение социальной теории. Подходить к анализу адаптивного поведения людей с точки зрения активности и рациональности вряд ли оправданно. «Агенты в некотором роде, скорее, натываются на собственную практику, чем выбирают ее свободно или подталкиваются к ней путем механического принуждения»⁴. Это значит, что для объяснения такой ценности, как искомая мотивация достижения, недостаточно обращения к стандартной рациональности. Люди часто ведут себя иррационально. И мотивацию достижения надо рассматривать как результат пересечения многих причинных взаимосвязей, тесно связанных с конкретным социально-культурным контекстом⁵.

Нарративы говорили и о том, что адаптивные практики и, соответственно, сопутствующие им ценностные ориентиры нельзя строго разделить на старые и новые. Как известно, в советское время многие из используемых в период перемен практик

¹ «Человек советский» 10 лет спустя: 1989—1999 (предварительные итоги сравнительного исследования) // Мониторинг ОМ, 99, 3.

² На конкурс было прислано около 100 биографических нарративов. Его участниками были жители Санкт-Петербурга и некоторых городов Северо-западного региона разного возраста и разного социального статуса.

³ Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: ИФ РАН, 1996. С. 85.

⁴ Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 161.

⁵ Радаев В.В. Хозяйственная мотивация и типы рациональности // Социологический журнал. 1997. № 1.

были довольно редкими, а некоторые из них нелегальными, а затем превратились в массовые и легальные. И, если иметь ввиду их теперешнюю массовость и легальность, их можно назвать новыми, но, если иметь ввиду историю их становления до того, как они появились в массовом масштабе, они давно уже не новые. Такое переплетение старого и нового оказалось значимой характеристикой взаимосвязи практик и ценностных ориентиров. Это позволяло в описываемых респондентами адаптивных практиках прочесть не только историю их появления и мотивирующие их ценности, но и наиболее рельефные «узлы» этого переплетения, переплетения старых и новых практик, старых и новых ценностных ориентиров. И, тем самым, продолжить и дополнить исследование проблемы, как меняются социальные представления в переломные эпохи жизни общества, которая рассматривалась в предыдущих опытах анализа нарративов Фонда.

Анализ биографических нарративов участников конкурса «Жить в эпоху перемен» проводился в нескольких направлениях и на нескольких «мини-выборках»¹. Здесь я остановлюсь только на одном направлении — изменении представлений и ценностных ориентиров. Эти изменения наиболее рельефно были видны при сравнении нарративов двух групп участников конкурса — самых старших и самых младших — тех, кому во время проведения конкурса было за 60 и тех, кому тогда было не более 27 лет.

Как и следовало ожидать, нарративы участников конкурса старшего возраста иллюстрировали привычный для старших поколений ценностный порядок советской эпохи с декларированным приоритетом ценностей «высокой» культуры и духовности над ценностями материальными. Это проявлялось, когда в качестве альтернативы материальным трудностям адаптации к переменам они называли *«духовную сторону жизни»*, *«любовь к природе и чистому искусству»*, старались *«забыть материальную неустроенность, посещая филармонию и читая книги»*, кланялись *«нашей культуре — театрам, музеям, концертам»*, видели *«ценность жизни не в покупке нового ТВ, а в дружной и любящей семье»*.

Конечно, эта приверженность духовным ценностям прежде всего объяснялась возрастом наших респондентов, большую часть жизни проживших в другой культурной парадигме, нежели та, которую предложила ориентированная на прагматизм «эпоха перемен». Этот своеобразный идеализм наших респондентов можно было также рассматривать как результат российских «волн Просвещения», просветительских тактик, а не экономических процессов. И тогда его можно было назвать идеологическим конструктором, «привитым воображением».

Понятно также, что во многом эта приверженность духовным ценностям была вызвана разочарованием в произошедших переменах и являлась своего рода защит-

---

¹ Детальный анализ материалов этого биографического конкурса изложен в моих статьях: Практики и ценности в эпоху перемен (Анализ биографических нарративов конкурса «Жить в эпоху перемен») // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 4; Ценности в биографическом дискурсе: от романтизма к прагматизму // Социологические исследования. 2005. № 9.

ной реакцией, желанием сохранить смысловую целостность жизни. Не случайно, что острее всего разочарование обнаружилось в нарративах образованных людей. Для большинства из них статусные ценности (престиж образования и профессии), завоеванные в прежнюю эпоху, оказались более значимыми, нежели рыночные, и они часто считали унизительным для себя быть прагматичными, поступаться этими ценностями ради денег. Но даже те из наших респондентов, кто не проявлял особой щепетильности в попытках адаптировать к переменам, часто сталкивался с проблемой тщетности собственных усилий для поддержания прежнего статуса, не говоря уже о серьезных социальных достижениях. Анализ этих попыток говорил о том, что потенциал декларируемых «эпохой перемен» прагматических ценностей натолкнулся на ряд ограничений. Возможности социально продуктивного поведения, которые обнаружались в меняющемся российском обществе, оказались очень суженными и поставили перед многими из них вопрос о «цене достижения» — зачем «вкльывать».

Но наиболее серьезным ограничением для ценностной адаптации к переменам многих респондентов этого возраста оказалась необходимость нарушать привычные нормы и моральные запреты, так как потенциал самостоятельности и активности в эпоху перемен реализовался в неправовом институциональном пространстве, означающем доминирование неформальных «правил игры» над формальными¹. В этом пространстве в выигрыше часто оказывались не те, кто склонен к честной игре. И в результате даже имеющие востребованные профессии люди, активно принявшие перемены, но не желающие нарушать эти нормы и запреты, говорили о том, что они «не вписываются в рыночные отношения».

В свою очередь нарративы молодых участников конкурса свидетельствовали, что они легче, чем старшие, «вписываются в рыночные отношения». И хотя в их нарративах еще можно было найти романтические формулы, напоминающие идеализм старших (например, когда они говорили о ценности дружбы и любви или, по выражению одной из них, «до сих пор верят в эту скучную фразу — «не в деньгах счастье» и даже про «рай в шалаше»), акцента на противопоставлении материальных и духовных ценностей они не делали. Было достаточно очевидно, что рассказы молодых упорядочивает новая логика, в которой на смену романтизированным советской эпохой ценностям «высокой» культуры приходит жизнь, больше ориентированная на прагматизм и здравый смысл, нежели на объединяющую силу идеологических конструкций.

Общий фон отношения молодых участников конкурса к переменам характеризовался тем, что жизнь для них стала более откровенной, менее прогнозируемой или, если использовать часто употребляемое ими выражение, «нескучной». При этом они открыто (иногда даже цинично) говорили о своих материальных интересах, что было немислимо для поколения их родителей. Можно ли, например, было представить, чтобы в советскую эпоху кто-то, будучи в возрасте двадцати с небольшим лет, гово-

¹ Шабанова М.А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. № 3.

рил о том, что нашел себе *«через газету немолодого друга с достатком»* и тем самым *«решил материальные проблемы»*, или же о том, что *«деньги лишними не бывают и все-таки стыдно быть бедным»*¹.

Итак, результаты сравнительного анализа нарративов этих двух групп участников конкурса с очевидностью показали, что произошедшие в «эпоху перемен» изменения в ценностных ориентирах можно обозначить как переход от декларированного в советское время приоритета духовных ценностей (ценностей «высокой» культуры) над ценностями материальными к потребительской культуре, к прагматическим ценностям рыночного общества. Исследователи морали называют это переходом от традиционной морали, основанной на ценностях общности и неразвитости индивидуального начала, к рациональной морали современного социума, в котором поведение индивида прежде всего должно быть эффективным². Проблема, однако, в том, что этому переходу сопутствует не только востребованная происходящими переменами рациональность, но и нарастание таких озадачивающих характеристик морального состояния общества, как цинизм, эгоизм или (если употребить более мягкую форму) моральный релятивизм. О нарастании этих характеристик свидетельствует не только упрощенность прагматичных формулировок участников нашего конкурса, но и результаты целого ряда исследований последних лет. При этом перспективы развития рациональной морали тоже остаются неясными. Во всяком случае, предложение бороться с моральным релятивизмом «систематической моральной критикой рыночной экономики»³ кажется не очень убедительным.

Вместо заключения

Качественное исследование «документов жизни» не предполагает подведения специальных итогов. Представленное им «насыщенное описание» проблемы, иллюстрирующее «живой» опыт людей, окрашенный эмоциями и переживаниями, не настаивает на единственной интерпретации рассматриваемой проблемы и открывает возможность читателю вступить в диалог и продуцировать собственные гипотезы ее понимания.

Хотелось бы только подчеркнуть, что проблема, которую я пыталась здесь описать — это не только проблема «уходящей природы» советского общества. Иначе говоря, она не исчерпывается проблемой устойчивости идеологических конструктов советской эпохи, определявших мировосприятие многих поколений людей. Символическое насилие действует всегда и всегда есть некая норма адекватности индивида

---

¹ Проблема ценностного разрыва между участниками конкурса определялась не только возрастом. Были зафиксированы и другие различия. Например, оказалось, что молодым людям из образованных семей труднее «вписываться в рыночные отношения», чем из семей с низким социальным статусом.

² Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Социология морали: нормативно-ценностные системы // Социс. 2003. № 2.

³ Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Социология морали: нормативно-ценностные системы. С. 12.

культурному порядку того или иного сообщества. В этой связи опять можно вспомнить положения теории дискурса, говорящие о заинтересованности власти в утверждаемых в обществе классификациях и нормах, о политике нормализации индивида¹. Другой вопрос, что меняется характер давления нормативных стандартов. Социальные и культурные различия все больше и больше оказываются под давлением потребительской культуры, которая тоже (как выясняется) носит репрессивный характер, не говоря уже о проблемах, которые несет глобализация. Социальные мыслители постмодернистской ориентации говорят о кризисе социальности, которую связывают с процессом индивидуализации и распадом структур традиционного общества. Так, Зигмунт Бауман в своей книге «Индивидуализированное общество» очень точно подводит итоги происходящих сегодня изменений, убедительно доказывая, что в современном «индивидуализированном» обществе каждый человек вынужден индивидуализироваться и быть прагматичным, что *это не его выбор, а судьба*, структурное принуждение².

---

¹ Ушакин С.А. После модернизма: язык власти или власть языка // Общественные науки и современность. 1996. № 5.

² Зигмунт Бауман. Индивидуализированное общество. М. «Логос». 2002. С. 66.